

Действительный член Академии
исторических наук
Виктор Кирсанов
kirsanov-vn@narod.ru

НЕ РЕВОЛЮЦИЯ, А ИЗМЕНА!

Мифы бывают двух видов: прогрессивные и регрессивные. Прогрессивные мифы — это те мифы, происхождение которых непосредственно связано с объяснением доселе непонятого предмета (явления) живой или неживой природы. За неимением необходимых знаний об объекте познания миф о нем играет положительную роль в обществе, направляя процесс его развития по восходящей линии. По мере роста общественного сознания прогрессивные мифы переосмысливаются, наполняются новым содержанием, выкристаллизовываются и тем самым способствуют познанию истины, а значит, способствуют развитию общества.

Регрессивные мифы — это те мифы, происхождение которых непосредственно связано с созданием заведомо ложного представления о предмете (явлении) живой или неживой природы. Данные мифы играют отрицательную роль в обществе, направляя процесс его развития по нисходящей линии. Хотя по мере роста общественного сознания регрессивные мифы и переосмысливаются, наполняются новым содержанием, выкристаллизовываются, это всего лишь способствует познанию ранее установленной истины. Иными словами, регрессивные мифы не способствуют познанию истины как таковой, а значит, не способствуют развитию общества.

Мифы играют существенную роль в жизни общества (человека). Одни мифы строить и жить помогают, другие... А потому для обеспечения условий непрерывного роста общественного бытия и общественного сознания необходимо, кроме всего прочего, время от времени производить демифологизацию общества, с тем чтобы по возможности уберечь его от напрасной траты времени и сил на познание ранее установленных истин, на повторное изобретение велосипеда, т. е. от регрессивных мифов.

Исходя из выше сказанного, рассмотрим два основных мифа демократов, созданных и внедряемых ими в общественное сознание на протяжении последних десяти лет.

Миф первый: к декабрю 1991 года распад Советского Союза был неизбежен.

Главный демократ и руководитель России рассматриваемого периода, Б. Н. Ельцин, 6 декабря 1996 года, выступая на страницах газеты «Труд», сказал: «К декабрю 1991 года распад бывшего Союза принял обвальный характер. Это было очень опасно. Как ни тяжело признать, но Союз изжил себя. Пришлось спасать то, что еще можно было спасти. Было создано Содружество Независимых Государств — суверенных, равноправных стран. Каждая взяла на себя ответственность за свои дела. Тогда идея СНГ оказалась единственной, на основе которой удалось прийти к согласию бывших республик. За исключением Прибалтики. Повторяю, пять лет назад никто не предложил другой модели нашего взаимодействия».

Был ли неизбежен распад Советского Союза к декабрю 1991 года? Конечно же, нет! Какие научно обоснованные основания есть у Ельцина и других демократов утверждать, что развитие Советского Союза объективно перешло черту, за пределами которой стало необходимо отправить его на свалку истории? Никаких. Абсолютно никаких! Что у них есть — так это голые инсинуации плюс неумное желание выдать пороки капитализма за добродетель. Это, во-первых.

Во-вторых, Ельцин всячески врет говоря о том, что «к декабрю 1991 года распад бывшего Союза принял обвальный характер», что «как ни тяжело признать, но Союз изжил себя», что «пришлось спасать то, что еще можно было спасти», что «пять лет назад никто не предложил другой модели нашего взаимодействия». Кому как ни ему, одному из главных виновников разрушения Советского Союза, знать правду об истории распада Советского Союза? Но он предпочитает говорить неправду, ибо только так может оправдать свои действия по разрушению Советского Союза, действия повлекшие за собой боль и страдания 90% советского народа. «Распад бывшего Союза принял обвальный характер» лишь после того, как он (Ельцин) «уговорил» главу Белоруссии (Шушкевича) и главу Украины (Кравчука) подписать смертельный приговор Советскому Союзу. «Мы заявляем, — говорится в совместно принятом ими 8 декабря 1991 года документе, — что Советский Союз как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекратил свое существование»¹. Только после этого документа распад Советского Союза действительно принял обвальный характер. До тех пор была возможность сохранения Советского Союза (пусть и в усеченном виде); до тех пор Союз еще не изжил себя; до тех пор предлагалось несколько моделей взаимодействия союзных республик — о чем свидетельствует, например, новоогаревская эпопея.

Начало новоогаревской эпопеи, по большому счету, было положено 23 июля 1991 года, когда первому и последнему президенту Советского Союза (Горбачеву) удалось добиться согласия глав 9 из 15 союзных республик подписать новый союзный договор. Поскольку каждый из них думал о себе, рвал союзное одеяло на себя, постольку выработанный ими документ был изначально плох. Вследствие чего в назначенный день его подписания, 21 августа 1991 года, случился ГКЧП с целью предотвращения окончательного распада Советского Союза. Усилиями Ельцина и его сторонников ГКЧП потерпел поражение. Так как во главе ГКЧП стояли вице-президент Советского Союза Янаев, глава правительства

Советского Союза Павлов, председатель КГБ Советского Союза Крючков, министр внутренних дел Советского Союза Пуго и ряд других высокопоставленных руководителей союзного значения, то с поражением ГКЧП наступил паралич центральной власти. Двери для выхода из СССР были открыты настежь. В этих условиях «спасенный» Горбачев 4 ноября 1991 года проводит в Кремле первое заседание новообразованного Государственного совета, на котором присутствуют главы 8 республик. Основной обсуждаемый вопрос тот же — подписание нового союзного договора. К единому мнению не пришли. Вслед за этим 14 ноября (теперь уже в Ново-Огареве) под руководством Горбачева проходит второе заседание Государственного совета. На сей раз на нем присутствуют главы 7 республик, отсутствует глава Украины. Несмотря на это, собравшимся удалось заключить предварительное соглашение о создании своеобразного союза с элементами федерального и конфедеративного устройства. Наконец, 25 ноября 1991 года в Ново-Огареве состоялось третье заседание Государственного совета, где выясняется, что предварительное соглашение, достигнутое 14 ноября 1991 года, летит под откос. После продолжительной дискуссии участники заседания разошлись ни с чем. Это была последняя «попытка» сохранения Советского Союза. Спустя 13 дней в Беловежской Пуще маски были сброшены, и советский народ узрел истинное лицо глав России, Украины и Белоруссии.

Основная причина неудавшегося подписания нового союзного договора в том, что никто из участников новоогаревской эпопеи всерьез и не думал уберечь Советский Союз от распада. Главы республик, с одной стороны, водили за нос Горбачева, выигрывая время для укрепления своей власти в руководимых ими республиках, а с другой — находились под магией действий главы России. Последнее обстоятельство имело решающее значение для судьбы Советского Союза. Есть все основания утверждать, что если бы Ельцин был озабочен сохранением Советского Союза, последний не приказал бы долго жить. Именно Ельцин сыграл решающую роль в разрушении Советского Союза.

Примечательны в этом отношении два последних заседания Госсовета в Ново-Огареве. 14 ноября 1991 года Ельцин дает согласие на подписание нового союзного договора, и в обществе усиливается надежда на сохранение Советского Союза. Выступая в тот же день вечером по телевидению, Ельцин восклицает: «Союз будет жить!» — и это звучит для глав остальных республик как призыв к действию по сохранению Советского Союза. И после этого спустя 11 дней, 25 ноября 1991 года, на очередной встрече глав республик в Ново-Огареве Ельцин, к всеобщему удивлению собравшихся, берет свое слово, данное им на предыдущей встрече глав республик, обратно.

Тайну политической кухни тех дней приоткрывает духовный «жрец» Ельцина Г. Бурбулис, который был в то время государственным секретарем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, президентом которой (напоминаю тем, кто не помнит) и был Ельцин, следующим образом: «Для руководящего эшелона российских лидеров, поднятых августовской революцией к власти, искусственность и временность союза с Горбачевым была очевидна с самого начала. Рано или поздно к этой мысли должен был прийти и сам Ельцин: не только не уступать власть союзному президенту, но и не делить ее с ним. После того как он естественным образом утвердился в этом, остальное уже было делом более или менее умелой тактики. Разумеется, идеальным для российского руководства было бы получить «алиби» в вопросе о его отношении к судьбе Союза. Первый приход Ельцина на заседание Госсовета со сравнительно «мягкими» поправками к согласованному с ним самим проекту союзного договора имел целью прозондировать ситуацию и попробовать достичь этого с минимальными для престижа и репутации российского лидера издержками. Такой минимальный вариант Ельцину не удался. Врученные ему поправки, предполагавшие отказ от единой союзной Конституции и общенародно избираемого президента, не принесли окончательного разрыва с идеей единого централизованного государства. Аппаратное тактическое мастерство Горбачева не только сохранило концепцию союзного государства, но привело к тому, что не кто иной, как сам Ельцин оповестил страну и весь мир о предполагаемом образовании единого конфедеративного государства. После возвращения российского президента с этого заседания перед лицом неотвратимого укрепления позиций союзного президента, к которому к тому времени вновь вернулись такие «киты» первого этапа перестройки, как Яковлев и Шеварнадзе, мы решили поднять ставки и убедили своего президента (Ельцина. — *В. К.*) забрать обратно на очередном заседании Госсовета то, что он неоправданно великодушно «подарил» Горбачеву на предыдущем»ⁱⁱ.

Весьма ценное признание. Ну чем не исповедь грешника?

Миф второй: переход от России социалистической к России капиталистической был совершен если не в результате революции, то в результате контрреволюции или, на худой конец, дворцового переворота.

Так ли это на самом деле? Конечно же нет: и то, и другое, и третье неверно!

На чем основано данное утверждение? На том, что главным вопросом всякой революции, всякой контрреволюции и всякого дворцового переворота является вопрос о смене власти. Без этого никакого разговора о революции, контрреволюции или дворцовом перевороте не может быть. Даже там и тогда, где были исключения из правила, как, например, в Англии, революция, контрреволюция или дворцовый переворот считаются успешно свершившимися лишь после взятия власти их сторонниками в свои руки. Вот почему, хотя английская буржуазная революция и не «упразднила» королевскую власть в стране, фактически вся власть сосредоточена в руках премьер-министра.

Какие научно обоснованные основания есть у Ельцина и других демократов говорить о том, что переход от России социалистической к России капиталистической был совершен если не в результате революции, то контрреволюции или, на худой конец, дворцового переворота? Никаких. Абсолютно никаких! Как был Ельцин главой России при социализме, так он и остался главой России, когда она перешла на путь строительства капитализма. Именно при Ельцине Россия социалистическая стала Россией

капиталистической. При этом он не то что даже частично не потерял свою власть, а наоборот, укрепил ее так, как не снилось ему в бытность президентом России социалистической.

Почему это стало возможным? Почему, говоря по Бурбулису, «руководящий эшелон российских лидеров был и остался у власти до и после поднятия августовской революции»? Потому и только потому, что демократы во главе с Ельциным в 1991 году не совершили ни революцию, ни контрреволюцию, ни даже дворцовый переворот. Единственное, что они совершили, так это государственную измену. Они изменили своему государству, своему народу. В связи с этим стоит напомнить и то, что Ельцин в июле 1991 года, вступая в должность президента РСФСР, всенародно клялся защищать Конституцию РСФСР и отстаивать интересы российского народа — того самого народа, который за три месяца до этого (в марте 1991 года) подавляющим большинством голосов высказался за сохранение Советского Союза.

История развития бывших советских республик последнего десятилетия убедительно свидетельствует о том, что общество, живущее в соответствии с регрессивными мифами, в частности с расстановочными, обречено на жалкое существование. Отсюда вывод: развитие общества немисливо без ликвидации регрессивных мифов, без очищения общественного сознания от искусственно созданного ложного представления о реальных процессах объективно существующего материального мира.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В последнее время стало общим местом возлагать на интеллигенцию надежду, связанную с переустройством общества. Сегодня и левые, и правые, и центр политического спектра России кровно заинтересованы в перетягивании интеллигенции на свою сторону. Левых в лице КПРФ понять можно: так и не дождавшись стихийного выступления рабочих и крестьян, вызываемого к жизни сезонными (весной, летом, осенью, зимой) заклинаниями Зюганова, они ищут опору в интеллигенции.

Насколько это обосновано, более того, правомерно? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить природу интеллигенции, провести ее идентификацию.

Для этого недостаточно знания о наличии у ее представителей разума, образования, нравственности, впечатлительности и т. д. и т. п., а следует рассмотреть их отношение к общественному производству средств к жизни. Тут-то и обнаруживается (исходя из понимания интеллигенции как совокупности людей, занятых максимально умственным — минимально физическим трудом), что представители интеллигенции имеют косвенное отношение к общественному производству средств к жизни.

Дальнейшие рассуждения в этом направлении приводят к тому, что помимо интеллигенции косвенное отношение к общественному производству средств к жизни имеют также представители эксплуататорских классов. Учитывая, что эксплуататорский класс преимущественно, если не сказать целиком, формируется из среды интеллигенции, можно и должно сделать вывод об интеллигенции как носителе эксплуататорского класса. Интеллигенция — это не прослойка общества, как думают отечественные ученые-обществоведы и как принято считать в так называемом цивилизованном обществе, а основа класса, косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни. Вот почему она не препятствовала капиталисту (буржуазии) строить капиталистическое (буржуазное) государство, феодалу — феодальное государство, рабовладельцу — рабовладельческое государство, ибо и капиталист, и феодал, и рабовладелец являются представителями одного с интеллигенцией класса, отвечают общим требованиям и выражают общие с ней интересы: брать от общества как можно больше, а отдавать — как можно меньше. Вовсе не случайно интеллигенция, например в царской России, получала заработную плату в среднем в 20 раз больше, чем рабочий. Если же брать крайности, то это разница доходила до 4000 и более раз.

Потому-то в октябре 1917 года отечественная интеллигенция преимущественно не поддержала социалистические (коммунистические) преобразования в стране, более того, всячески противодействовала им, что они, указанные преобразования, не отвечали ее интересам и потребностям. В то время как простой российский народ валил жалкое существование, российская интеллигенция изо дня в день ковала кадры российских эксплуататоров, стояла на страже их интересов и потребностей как своих собственных, поскольку они (интересы и потребности эксплуататоров) совпадали с ее интересами и потребностями. Иначе и быть не могло, ибо эксплуататоры есть своего рода передовой отряд интеллигенции. Вот почему когда российские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года принялись изгонять из страны эксплуататоров, значительная часть российской интеллигенции выступила на стороне последних.

Даже после взятия власти в России пролетариатом в свои руки интеллигенция активно препятствовала строительству социализма (коммунизма) в стране. Крушение строительства социализма (коммунизма) в России во многом обусловлено тем, что российский пролетариат, уничтожив отечественных феодалов и нарождающуюся буржуазию, т. е. явных эксплуататоров, не сумел разглядеть, распознать в интеллигенции своего классового врага. Именно недоосознание пролетариатом России необходимости борьбы с интеллигенцией как со своим классовым врагом лежит в основе крушения строительства социализма (коммунизма) в стране.

Согласно марксистско-ленинской философии, «наряду с основными и не основными классами в обществе существуют различные общественные прослойки, например интеллигенция. Она крайне неоднородна в социальном отношении, не занимает особого места в системе общественного производства, не имеет самостоятельного отношения к средствам производства. Интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся интеллектуальным трудом, пополняющая свои ряды выходцами из различных классов общества и служащая интересам различных классов. Интеллигенция была и в рабовладельческом, и в феодальном обществе, но как особая социальная прослойка она

сложилась лишь при капитализме. Обслуживая тот или иной класс, интеллигенция не играет самостоятельной роли в историческом процессе. Однако она оказывает значительное влияние на общественное развитие, находясь на службе тех или иных классов»ⁱⁱⁱ.

Мысль о том, что интеллигенция, не играя самостоятельной роли в историческом процессе, оказывает значительное влияние на общественное развитие, как нельзя лучше характеризует отечественных ученых-обществоведов, мастерски освоивших приемы умелого обращения с «противоположностями», выхода из ситуаций, казавшихся тупиковыми.

Что касается неоднородности интеллигенции в социальном отношении, то этот признак легко применим к любому классу, а значит, не является определяющим.

Утверждение «интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства» лишено всяких оснований. Интеллигенция занимает особое место в системе общественного производства, ибо, по определению самих же авторов указанного произведения, интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Следовательно, интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся в общественном производстве интеллектуальным (в соответствии с ранее установленным нами, читатель, правильнее будет сказать максимально умственным — минимально физическим) трудом. Говорить после этого, что интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства, значит по меньшей мере противоречить самим себе, а по большей — говорить глупости.

Насчет того, что интеллигенция не имеет самостоятельного отношения к средствам производства, сегодня, в новых исторических условиях, полагаю, нет надобности глубокого анализа для доказательства обратного. Достаточно указать на тот факт, что после поражения социализма в России в 1991 году, где за годы советской власти была ликвидирована частная собственность на средства производства, здесь в одночасье появились частные собственники, которыми в 99,9% стали представители интеллигенции. Стоило рухнуть советской власти, как интеллигенция выступила в роли частных собственников и эксплуататоров. Не имей интеллигенция самостоятельного отношения к средствам производства, подобное было бы невозможно.

Таким образом, утверждения о том, что интеллигенция есть прослойка общества; что интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства; что интеллигенция не играет самостоятельной роли в историческом процессе — глубоко ошибочны. Куда больше подходит для интеллигенции определение классов, данное Лениным. «Классы, — писал он, — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»^{iv}.

Следует особо отметить тот исторический факт, что там и тогда, где в результате смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от одного эксплуататорского класса к другому эксплуататорскому классу, интеллигенция активно поддерживала данное преобразование. В противном случае, т. е. там и тогда, где в результате смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от эксплуататорского класса к эксплуатируемому классу, интеллигенция активно сопротивлялась данному преобразованию. За примерами далеко ходить не надо. Для тех, кому деятельность интеллигенции в период строительства социализма (коммунизма) в России неприемлема в качестве доказательства интеллигенции как основы формирования и развития эксплуататоров, можно указать на деятельность интеллигенции в период царской России, скажем, при подавлении крестьянских восстаний, вспыхнувших под руководством Емельяна Пугачева и Степана Разина, или при расстреле рабочего шествия, мирно двигавшегося к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. В последнем случае, рабочие шли к царю, неся хоругви, иконы, кресты и большой белый флаг, на котором было написано «Солдаты, не стреляйте в народ», обнажив головы, с пением церковных песен для подачи петиции царю с просьбой об улучшении их правового и экономического положения. В ответ на это они были расстреляны из винтовок и пулеметов и изрублены саблями по приказу царя и его окружения. Тогда было убито свыше 1 тыс. и ранено более 2 тыс. ни в чем не повинных рабочих.

Аналогично обстоит дело и в современной России. Расстрел Верховного Совета РСФСР из танков, учиненный постсоциалистической интеллигенцией в 1993 году, — убедительное тому доказательство.

Основоположники марксизма уже в первом совместном произведении «Святое семейство» говорили о том, что «пролетариат может и должен сам себя освободить»^v. Впоследствии они неизменно приходили к выводу о правильности данного положения. Разумеется, они не отрицали участия других слоев общества в освобождении пролетариата на стороне последнего. Особую роль при этом они отводили крестьянству. Что касается интеллигенции, то они не видели в ней сколь-нибудь значимого союзника пролетариата. Более того, они полагали, что от интеллигенции будет больше вреда делу освобождения пролетариата, чем пользы. «Я не могу понять, — писал Энгельс О. Бенигку 21 августа 1890 года, — как можете Вы говорить о невежестве масс в Германии после блестящего доказательства политической зрелости, которое наши рабочие дали в победоносной борьбе против закона о социалистах. Мнимо ученое чванство наших так называемых образованных представляется мне гораздо более серьезным препятствием. Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т. д., но на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей — которые наверняка окажутся в этом обществе — будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше. Но за исключением этих специалистов, к которым я отношу также и школьных учителей, мы прекрасно можем обойтись без остальных «образованных», и, к примеру, нынешний сильный наплыв в партию литераторов и студентов сопряжен со всяческим вредом, если только не держать этих господ в должных рамках»^{vi}.

В очередной раз Энгельс высказался по этому поводу в письме к А. Бебелю от 24—26 октября 1891 года. «Для того чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, — писал Энгельс, — нам нужны технически подготовленные люди, и притом в большом количестве. Их у нас нет; до последнего времени мы были даже рады тому, что по большей части избавлены от так называемой образованной публики. Теперь — другое дело. В настоящее время мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии принять и переварить любое количество образованного мусора, и я предвижу, что в ближайшие 8-10 лет к нам придет достаточное количество молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей, чтобы с помощью партийных товарищей организовать управление фабриками и крупными именными в интересах нации. Тогда, следовательно, взятие нами власти будет совершенно естественным образом и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и все-таки они будут нас надушивать»^{vii}.

Практика строительства первого в мире социалистического государства в целом — за вычетом того, что победивший пролетариат может купить себе интеллигенцию так же, как это делают капиталисты, — убедительно подтвердила правоту Энгельса относительно сказанного им о взаимоотношениях пролетариата с интеллигенцией. Пролетариат России в результате революции пришел к власти раньше, чем был подготовлен к этому в части принятия и переваривания образованного мусора. В итоге интеллигенция, доставшаяся ему в наследство от буржуазии, оказалась его принципиальным противником. Попытки молодой советской власти купить интеллигенцию так же, как это делают капиталисты, не принесли желаемого результата. Большинство врачей, учителей, техников и пр. саботировали работу на местах, упорно не желали помогать пролетариату строить в стране социализм (коммунизм). Другая часть интеллигенции, которую удалось-таки купить пролетариату высокими заработками, ценою напряжения до последней степени всех сил рабочих и крестьян, в массе своей вела подрывную работу против советской власти. В 1928 году по одному только «шахтинскому делу» было разоблачено около трехсот буржуазных интеллигентов, занимавшихся вредительством в Донбассе. В 1930—1931 годах было раскрыто еще три крупных контрреволюционных организации буржуазной интеллигенции: «Промпартия» занималась вредительством советской власти в промышленности, «Трудовая крестьянская партия» — в Наркомземе, «Союзное бюро РСДРП» — в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Центросоюзе.

В чем трудность привлечения интеллигенции пролетариатом на свою сторону, к эффективному участию в строительстве социализма (коммунизма)? В природе интеллигенции.

Какова природа интеллигенции, в чем ее сущность? Для получения правильного ответа в качестве критерия принадлежности того или иного человека к интеллигенции необходимо рассмотреть различие не в его роде занятий, образовании, нравственности и т. д., а различие его места в существующем укладе общественного хозяйства, т. е. его отношение к общественному производству средств к жизни. Тут-то и обнаруживается (исходя из понимания интеллигенции как совокупности людей, занятых максимально умственным и минимально физическим трудом), что представители интеллигенции имеют косвенное отношение к общественному производству средств к жизни. Дальнейшие рассуждения в этом направлении приводят к тому, что помимо интеллигенции косвенное отношение к общественному производству средств к жизни имеют также представители эксплуататорских классов. Учитывая, что эксплуататорский класс преимущественно, если не сказать целиком, формируется из среды интеллигенции, можно и должно сделать вывод о интеллигенции как носителе эксплуататорского класса.

В итоге общество делится на два класса: класс косвенно занятый в общественном производстве средств к жизни и класс непосредственно занятый в общественном производстве средств к жизни. Отсюда ясно, почему интеллигенция не сопротивлялась ни преобразованию первобытного общества в азиатское общество, ни преобразованию азиатского общества в рабовладельческое общество, ни преобразованию рабовладельческого общества в феодальное общество, ни преобразованию феодального общества в капиталистическое общество. Напротив, во всех этих преобразованиях она принимала, можно сказать, непосредственное участие — в смысле, играла положительную роль, приветствовала их. И только в преобразовании досоциалистического общества в общество социалистическое (коммунистическое) интеллигенция играет отрицательную роль. Она охотно продавалась и капиталисту, и феодалу и т. д., а пролетариату — не хочет. Объяснение этому кроется в принадлежности интеллигенции к классу косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни.

История свидетельствует, что ни особая нравственная впечатлительность, ни особая ранимость, ни особая отзывчивость на общие социальные проблемы, ни образованность, ни разумность и т. д. и т. п. зачастую нигде и никогда не мешали интеллигенции закрывать глаза на кричащую несправедливость и неравноправие, в правовом и экономическом отношении имеющиеся между ней, с одной стороны, и трудовым народом, т. е. людьми, занятыми минимально умственным — максимально физическим трудом, с другой стороны. Указанные выше качества интеллигенции, как правило, не мешали ей сытно есть и мягко спать за счет трудового народа.

Совершенно очевидно, что левые под руководством КППФ совершают грубую ошибку, полагая, что интеллигенция сама по себе, добровольно и в одночасье перейдет на их сторону. Здесь больше шансов у центристов и правых как представителей интересов одного с интеллигенцией класса, класса косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни. Интеллигенция в том виде, в каком она была до сих пор и есть в настоящее время, скорее поддержит эксплуататоров, чем эксплуатируемых. Чтобы было наоборот, пролетариату следует повышать свое идеологическое, политическое и экономическое образование, дабы быть в состоянии принять и переварить любое количество образованного мусора.

Этого-то и не может или не хочет понять левая оппозиция под руководством КПРФ. Она стремится наполнить свои хиреющие ряды кем попало и чем попало, не особенно задумываясь о качестве и долгосрочной перспективе такой политики. Возьмем, к примеру, общество РУСО (Российские ученые социалистической ориентации), где, как утверждают некоторые, собран цвет народно-патриотической интеллигенции. Насколько члены РУСО социалистически ориентированы, хорошо видно из сказанного одним из его сопредседателей Ю. К. Плетниковым в журнале «Изм» № 2 за 2000 г., где причину поражения социализма в СССР, кроме всего прочего, он видит в том, что «высококвалифицированный труд инженерно-технических работников мало оплачивался, приблизительно как неквалифицированный физический труд» (с. 36). По Плетникову, при социализме инженерно-технические работники должны получать больше, чем рабочий. И это утверждает один из лидеров ученых социалистической ориентации... Ему вторит сопредседатель НПСР (народно-патриотические силы России), председатель движения «Духовное наследие» А. Подберезкин, который считает, что «профессор должен зарабатывать больше генерала, а учитель — больше чиновника»^{viii} — словно генерал и чиновник должны хуже есть, одеваться и т. д., т. е. жить хуже профессора и учителя. Ясно, что с такой социалистической ориентацией и с таким духовным наследием далеко до истинного союза рабочих и крестьян с интеллигенцией.

В заключение хочу сказать следующее. Не надо думать, что я против интеллигенции как таковой. Конечно, исключения были, но речь здесь не об этом, поскольку жизнедеятельность интеллигенции основывается не на исключениях, а на закономерностях, в числе которых минимальное участие в общественном производстве средств к жизни и максимальное участие в потреблении общественных материальных благ стоит на первом месте. Я за то, чтобы исключения, о которых шла речь выше, имевшие место в жизни интеллигенции до сих пор, стали правилом, а закономерности — исключением.

ⁱ «Российская газета», 9 декабря 1991 г.

ⁱⁱ «Советская Россия», 30 ноября 1996 г.

ⁱⁱⁱ Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. Изд. 6-е, доп. М., 1977. С. 113—114.

^{iv} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

^v Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. в 9 т. Т. 1. С. 47.

^{vi} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 380—381.

^{vii} Там же. Т. 38. С. 163.

^{viii} Подберезкин А. Русский путь. М., 1997. С. 40.